

Борис Пильняк

Speranza

ФТМ

Борис Пильняк

Speranza

«ФТМ»

Пильняк Б. А.

Speranza / Б. А. Пильняк — «ФТМ»,

«Имя кораблю каботажному, семи-тысяч-тонному, чуть-чуть пиратскому для глаза постороннего (как все каботажные корабли, сохранившие в своих обликах столетия рабских корабельных правил о мордобое стюварда и капитана, расчетов в каждом порте, англицких морских законов, от тех седых времен, когда корабль ходил под парусом и с пушкой) – имя кораблю: – „Speranza“, что ли».

Пильняк Борис Speranza

По морям и океанам, под Южным Крестом и Полярной Звездой, в тропиках и у вечных льдов – идут корабли. По морям и океанам – идут бури, ночи, дни, месяцы, годы. Море же – это две чаши: одна над другой чаша неба и чаша воды, да с неделю от берега и за неделю до него – чайки и точкою в небе кондор. И на кубрике, у кормы на кораблях, живут возчики кораблей матросы. В Сидни с шерстью, в Кардифе с углем, в Бенгуэле с каучуком, в Порт-Петербурге с лесом и пенькой – грузятся корабли, чтобы итти, нести грузы – на острова Зеленого мыса, в Марсель, в Сайгон, Сан-Франциско, Буэнос-Айрес, Суэцами, Панамскими каналами, Индийскими, Великими, Атлантическими океанами. Так корабли ходят десятки лет, неделями и месяцами в море, и матросы говорят о себе и друг о друге:

– Я (или он) пошел на берег, – он на берегу, и кажется, что борт корабельный стал им их землей, точно борт корабельный может быть землей; но матросы же знают, что в бурю, когда ветер, посинеет, рвет ванты и людей, когда волны идут через фальш-борты и бьют до спардэка, – когда корабль мечется в волнах овошинкою в кипятке, – тогда надо смотреть на горизонт, ибо только он неподвижен и тверд, как земля, и плохо тому, у кого закачается в глазах горизонт, единственное некачающееся, – тогда его стошнит в морской болезни, нехорошей, мутной, собачьей тошнотой. И матросы не любят говорить о море, о морских своих путях, – потому ли только, что это их будни? – и матросы всегда дальнорозки!

И на кубрике, в бесконечные океанские вечера, после вахты и перед вахтой, в грандиозности морского одиночества матросы говорят – о земле, о той земле, какую они видели, и о том, что видели они на ней. Кроме моря, матросы видели порты всего мира, портовые кабаки, портовые публичные дома, портовую нищету, шум, крик и гам всего мира, – и матросы знают, что земной шар даже не шар, а шарик и очень тесный шарик, так, что он не может испытать всю морскую воду, соленую, как слезы. Кроме морей, матросы видели и все человеческие породы, и черные, и желтые, и красные, и белые, и все человеческие веры и манеры жить, матросы видели, как люди молятся и Чурбанам, и Будде, и Христу, и Магомету, и Солнцу, и Конго, как люди ходят и в ивнинг-дрэссах, и в юбках мужчины, и голые с повязкой на чреслах и без повязки на них, – как люди украшаются и пудрой, и кольцами в носу, и зубами, выкрашенными в черное, – матросы помнили, как всюду бьют людей, – и матросы знают, что ничему в мире верить нельзя, все в мире течет и проходит. Матросы не знали никакой иной любви, кроме портовой, – и прекраснейшее в мире – любовь – у матросов была смрадна – негритянская, индейская, китайская любовь – как смраден портовый публичный дом в шуме, гаме и ночных красных фонарях. И на кубрике, – и в экваториальные ночи, когда кажется, что Южный Крест цепляет за мачты, и в ночи под Полярной звездой на кладбище европейских вод, – матросы вспоминают землю, ту, что "на берегу". Но матросы, как все люди, еще и мечтают: о прекрасной жизни; их мечты строятся на безверии; их мечты строятся над черными, желтыми, красными и белыми человеческими породами и любовями; их мечты строятся над всем миром. – А на кубрике, полярною ночью и ночью экваториальной, ночами в бури и штили – темная круглая безбрежность за бортом, чаша неба и чаша воды, колышется вода сотнями метров зеленоватой мутной холодной глубины, слиты края чаш в безбрежности и – если штиль – горят, горят на небесной корке – звезды, и ясно тогда, что эта небесная твердь расшита в гареме азиатского деспота, ибо кому иначе понадобилась бы такая нечеловечески-трудная красота? – не матросам же! – А корабль с редкими двумя-тремя огнями черен в этой безбрежности, безмолвен, пуст, – и только на корме торчат скорченные, черные тени матросов, в их бесконечных разговорах. И падают иной раз с неба звезды. – Так корабли идут по океанам из Буэнос-Айреса в Кардиф, из Гавра в Сингапур и во многие-многие иные места. Тесен мир.

И – ночь.

Имя кораблю каботажному, семи-тысяч-тонному, чуть-чуть пиратскому для глаза постороннего (как все каботажные корабли, сохранившие в своих обликах столетия рабских корабельных правил о мордобое стюарда и капитана, расчетов в каждом порте, аглицких морских законов, от тех седых времен, когда корабль ходил под парусом и с пушкой) – имя кораблю: – "Speranza", что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.